Шейх Хазрат Азад Расул

12+

Обращение к сердцу

Шейх Аль-Тарикат Азад Расул

Обращение к сердцу: Пробуждение к суфийскому пути

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Азад Расул Ш. Х.

Обращение к сердцу: Пробуждение к суфийскому пути / Ш. Х. Азад Расул — «ЛитРес: Самиздат», 2018

В мире материализма и нескончаемого потока информации человек нередко забывает о духовной сути жизненного пути. Ритм жизни не даёт возможности отстраниться от суеты и заняться духовным развитием. Книга знакомит с вековой традицией суфизма, которая помогает найти баланс между материальным и духовным и даёт простые ответы на сложные вопросы, которые волнуют современного человека. "Обращение к сердцу" - это возможность прикоснуться к древней мудрости Востока, оставаясь в миру, и через духовные практики познать Реальность, обращаясь к своему сердцу.

© Азад Расул Ш. Х., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Предисловие 6
Биография автора 10
Вопросы и ответы 15
Вступительные замечания 15
Часть 1. Общие темы 18
Вопрос 1. Суфизм 18
Что такое суфизм? 18
Вопрос 2. Сравнение мистических путей 21
Что отличает суфизм от других интегральных и мистических путей, таких как буддизм и йога? 21
Вопрос 3. Выбор пути 22
Как узнать, является ли суфизм наилучшим путем для меня? 22
Вопрос 4. Популярность суфизма на Западе 23
В последние годы суфизм привлекает все большее внимание на Западе. Чем вы объясняете такой рост популярности? 23
Вопрос 5. Западная обусловленность 24
Чем отличаются восточные и западные ученики? 24
Я опасаюсь, что обусловленность западного ученика может воспрепятствовать ему в получении тех преимуществ, которыми обладает суфизм. Действительно ли человек, взращенный западной культурой, может достичь тех целей, которые вы описываете? 24
Вопрос 6. Личная трансформация 26
Вы называете суфизм «трансформационным». Не могли бы вы подробнее рассказать о совершаемых им изменениях и как эти изменения происходят? 26
Вопрос 7. Гуманизм и гуманитарная деятельность 28
Можно ли считать суфизм гуманистической философией? Участвуют ли суфийские ученики в гуманитарной деятельности? 28
Вопрос 8. Глобальные вопросы 29
Занимается ли суфизм решением глобальных вопросов, таких как ухудшение окружающей среды, бедность и конфликты? 29
Вопрос 9. Стресс, тоска и депрессия 30
Как суфийские методы могут повлиять на такие состояния, как стресс, тоска, депрессия и неврозы? 30
Вопрос 10. Психотерапия 31
Многие люди сегодня озабочены психологическим здоровьем. Как суфии относятся к психологии? Можно ли суфизм рассматривать как религиозную форму психотерапии? 31
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Публикация подготовлена российским отделением Школы суфийского учения: www.sufischool.ru

При упоминании Пророка Мухаммада в книге используется арабский факсимильный значок – (значок №1) – означающий традиционное приветствие– «салла-ллаху алейхи ва ахлихи ва саллам» (да благословит его и семейство его Аллах и да приветствует его).

Имена других пророков и ангелов сопровождаются факсимильным значком (значок №2), означающим «алейхи ас-салам».

После имен сподвижников Пророка (вставить первый значок) используется значок – (значок № 3) означающий, «радыя-ллаху анху/анха» (да будет доволен им/ей Аллах).

За именами суфийских наставников и святых следует значок – (значок №4) – означающий «рахмату-ллахи алейхи/алейха» (да пребудет над ним/ней милость Аллаха).

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Всем искренним ученикам, ищущим истину

Предисловие

В сегодняшнем мире, мире смятения, сеющего разлад между целыми народами и отдельными людьми, и затрагивающего многие сердца, суфизм, к счастью, дает надежду. Многих путников, томящихся от жажды в пустыне современной культуры, влекут светозарные источники, вокруг которых суфии всегда собирались, помогая и другим жаждущим отыскать к ним путь. Иным обитателям пустыни зачастую достаточно лишь капли воды, имени Бога или мудрого слова. Помимо них, академические ученые и студенты также заинтересовались – а некоторые вдохновились – поэзией таких суфиев, как Руми, другие же почувствовали влечение к изучению мастеров суфийской прозы – аль-Газали и Ибн Араби. Таким образом, суфизм важен для многих не только по личным причинам. Научное изучение суфизма (также известного, как исламский мистицизм) – его литературы, философии, психологии и истории – уже более ста лет занимает важное место в исследованиях мусульманской культуры на западе.

Книга «Обращение к сердцу: пробуждение к пути суфия» предлагает вниманию тех, кто изучает суфизм, некоторые важные аспекты этого учения. В лаконичной форме вопросов и ответов данный текст позволяет читателю взглянуть на историю суфизма глазами живого представителя одной из действующих суфийских традиций, но отнюдь не история суфизма как таковая, находится в его фокусе. Скорее, эта работа – одно из зеркал, в которых отражаются устремления человеческого духа, находившие свое выражение в суфийской традиции на протяжение(и) более двенадцати столетий.

Хазрат Азад Расул представляет линию мастеров, начало которой положил Сейид Абд аль-Бари Шах, индийский шейх девятнадцатого века.

В лице Абд аль-Бари Шаха соединились линии шести суфийских мастеров: он получил полномочия вести обучение в орденах Накшбанди, Муджаддиди, Кадири, Чишти, Шазили и Карани. Каждый из этих орденов являет собой образец формализованной науки с собственными уникальными терминами и методами, составляющими часть духовного наследия, известного как «тасаввуф». Большинство из них сыграло активную роль в мистическом движении, которое вдохнуло новую жизнь в извечные духовные поиски человечества во всем исламском мире.

Хотя на протяжении последних восьмисот лет Суфизм характеризовался суфийскими орденами (*тарика* – ед. ч., турук мн. ч.), возглавляемыми шейхами, в начальный период формирования Суфизма (с восьмого по одиннадцатый век н. э.) орденов, как таковых, не существовало. Скорее, на стадии своего становления он определялся взаимодействием суфийских традиций Хорасана и Багдада*. Второй крупный период суфийской истории наступил с образованием орденов, в основу которых положена линия передачи посвящения от мастера к ученику. Одним из наиболее значимых был (и остается) орден Накшбанди, который унаследовал традиции Хваджаган из Туркестана – преемников Маламати из Нишапура (в Хорасане) – и занял главенствующее положение среди суфийских орденов Трансоксании уже в четырнадцатом веке.

Известными учителями линии Хваджаган являются ее основатель, Хваджа Абу аль-Хасан аль-Харкани (ум. 1033), и Юсуф Хамадани (ум. 1140). В то время как некоторые мистики этой эпохи делали акцент на любви к Богу и единении с ним, учителя Хваджаган также подчеркивали необходимость преодоления самости. Юсуф Хамадани говорил: «Все знают, что любовь – это высшая сила, объединяющая человеческое существо с Богом, но тот, кто не свободен от самости, не способен любить». Его преемник, Хваджа Абдель Халик Гуждувани (ум. 1179), усовершенствовал методы духовного воспитания и через его учение принципы ордена стали доступны для широкой публики.

Хваджа Бахауддин Накшбанд (ум. 1389) сыграл центральную роль в дальнейшем распространении ордена по всему Туркестану. Он реформировал практики, добиваясь их большей эффективности. Техника, которую он использовал, известна как *индираж ан-нихая фи'ль-бидая* – «воплощение конца в начале» – что в данном случае означает изменение последовательности выдачи практик. Вместо того чтобы вначале сосредотачиваться на «я», искателям предписывалось концентрироваться на сердце (*калб*). Бахауддин и его последователи полагали, что внимательное отношение к сердцу усиливало восприимчивость к присутствию Бога и что приток божественной любви, в свою очередь, может трансформировать «я». Основополагающая роль Накшбанди в истории данного ордена подтверждается тем фактом, что его именем в дальнейшем был назван сам орден.

В конце шестнадцатого века Шейх Ахмад Фаруки Сирхинди (ум. 1625) реформировал доктрину и практики ордена Накшбанди. Он стал известен под именем *Муджаддид-и альф-и тани* («Реформатор второго [мусульманского] тысячелетия»), и линия передачи, нисходящая от него, известна как «Накшбанди-Муджаддиди». Отвергнув многие нововведения в суфийской практике, которые появились в Индии, он подчеркивал ключевую роль исламского закона (*шари'а*) для духовных поисков. Он также восстановил характерную для Накшбанди вовлеченность в политическую борьбу. В отличие от других индийских суфиев, он следовал доктрине единства бытия в том, что касается видения (*вахдат аш-шухуд*) – в соответствии с этой доктриной высшая стадия духовного пробуждения заключается в свидетельствовании или переживании единства с Богом, по достижении которого человек, тем не менее, продолжает осознавать различие между собой и Богом. Данная доктрина отвергала учение *вахдат аль-вуджуд*, или единства божественного бытия, согласно которому не существует ничего, кроме Бога, и конечная стадия единства подразумевает отождествление с Ним. Кроме того, важной частью реформы Ахмада Фарука Сирхинди стало то, что он, хорошо понимая духовные потребности современных ему духовных искателей, усовершенствовал учения Накшбанди. Он выявил десять центров сознания (*лата'иф*) в человеческом теле и реорганизовал практики, связанные с этими центрами. Его усилия способствовали распространению ордена среди разных народов, включая население Афганистана, Турции и Сирии. В конце девятнадцатого столетия Сейид Абд аль-Бари Шах внес дополнительные изменения в доктрину и практику ордена Накшбанди-Муджаддиди, чтобы облегчить продвижение учеников.

Орден Кадири был основан шейхом Абд аль-Кадиром Джилани (ум. 1166) из Ирака. Абд аль-Кадир Джилани возглавлял школу ханбалитского права и давал лекции в своей *ханаке* (суфийская ложа) в Багдаде. Проповеди, с которыми он выступал там, дошли до нас в работе «Божественные речи» (*аль-Фатах ар-Раббани*). Представляя правовую и мистическую традиции, он основал систему духовного обучения и очищения, которая строго следовала учению Корана и преданиям (хадисам) о Пророке. Его сыновья и другие представители этого учения распространили методы и доктрины ордена по всему исламскому миру. Сегодня орден распространен от Марокко до Малой Азии и далее до Малайзии.

Шейх Абу Исхак из Сирии (ум. 940) основал орден Чишти – один из самых распространенных и влиятельных в Индии. Начиная с десятого века, этот орден играл ключевую роль в исламизации многоконфессионального населения этого субконтинента. Больше всего последователей орден привлек в тринадцатом веке, когда им руководил шейх Моинуддин Чишти (ум. 1236), похороненный в Аджмере. Под его именем данная линия (духовной передачи) известна и сегодня.

К числу наиболее выдающихся членов ордена относился шейх Баба Фаридуддин Ганджи Шакар (ум. 1265-7), чьи афоризмы стали неотъемлемой частью индийской традиции суфийской мудрости. Шейх Низамуддин Авлия (ум. 1324-5), наиболее прославленный ученик Бабы Фаридуддина, возглавлял орден в период политических потрясений, ознаменовавших четырнадцатое столетие в Индии. Под его руководством влияние ордена распространилось по всей

Индии. Почитание святых всех религий и вера в то, что служение другим людям благодетельнее аскетических подвигов, привлекли к нему множество последователей – мусульман и индуистов. Мистический зов ордена, основанный на доктрине *вахдат аль-вуджуд* («единство божественного бытия»), наряду с приверженностью идеям ненасилия, служением людям и благотворительностью определили его социальный облик, который оказался привлекательным для самых разнообразных людей. Примечательно, что чишти не требовали обращения в ислам для получения наставлений в мистической науке и практиках. Для них принятие ислама было следствием изменений, вызываемых практиками ордена, а не предварительным условием для участия в практиках.

Орден Шазили восходит к аскетической традиции Северной Африки. Шейх Абу аль-Хасан Шазили (ум. 1258), который основал этот орден в Египте, родился в Марокко, где он прошел обучение духовным дисциплинам у Ибн Машиша (ум. 1228). В то время, когда преобладала доктринальная традиция и формальные нормы поведения, а суфизм в Египте стал институтом государства, Шейх Абу аль-Хасан и его преемники, Абу аль-Аббас Мурси (ум. 1287) и Ибн Ата Алла (ум. 1309), утверждали объединяющую роль исламской духовности. Они подчеркивали, что кораническое откровение и поведение под верным руководством неразрывно связаны с гнозисом.

От учеников ожидали досконального изучения, как исламского закона, так и духовных дисциплин, а так же их поощряли иметь семью и профессию. Особенность Шазили состоит в том, что это скорее духовная школа, нежели централизованный институт или суфийский орден. С самого своего основания данная структура сохраняла гибкость, что позволило ей адаптироваться в многомерном социальном и историческом контексте. Сегодня орден широко представлен в Северной Африке и на Ближнем Востоке в виде произошедших от него ответвлений, таких как Даркави, Харраки и Алави. На Западе Шазили нашел свою нишу, вызывая интерес у многих людей, ищущих путь к более глубокой духовной жизни.

Сейид Абд аль-Бари, наделенный полномочием обучать во всех вышеперечисленных орденах, посвятил свою жизнь передаче их доктрины и практик. Однако представление им различных орденов не так важно, как то, что он привнес в их учение и передаваемые знания. Он распространил технику Накшбанди-Муджаддиди *индираж ан-нихая фи'ль-бидая* в других орденах, упорядочил практики и создал пошаговую систему духовного обучения, подходящую для соискателей, имеющих работу и семью. Разрешение вести обучение в русле линии Сейида Абд аль-Бари Шаха перешло к Хазрату Хамиду Хасану Алави (ум. 1959), а от него – к Мухаммаду Саиду Хану (ум. 1976). Преемник последнего – автор настоящей работы.

Формат вопросов и ответов, в котором написана эта книга, воскрешает в памяти форму, использовавшуюся в самых ранних суфийских трудах, созданных Хакимом Тирмизи (ум. 869), Харисом аль-Мухасиби (ум. 857) и Абу Абдар-Рахманом ас-Сулами (ум. 1021). Это придает данной работе характер духовного общения, особой связи, формирующей отношения учитель-ученик. Широта рассматриваемых вопросов выводит представленное здесь учение за рамки концептуальной или чисто академической работы на уровень прожитого опыта.

Азад Расул не пользуется сложными терминами, тем не менее, слова его оказывают глубокое воздействие и погружают читателя в неповторимую природу описываемого пути. Книга «Обращение к сердцу: пробуждение к пути суфия» затрагивает на разных уровнях процесс духовной трансформации и способ ее достижения.

Касаясь вопросов человеческой духовности и психологии, настоящая работа актуальна, как для специалистов в этой области, так и для обычных читателей. В сфере религиозных исследований или на занятиях по истории она послужит примером суфийской методологии, представляемой современным учителем, который принадлежит к мусульманской духовной традиции. Читатели, занимающиеся изучением психологии, понимаемой как наука о человеческой душе и ее состояниях, найдут в этом учении сокровенный диалог с самим собой и

богатство суфийского технического языка, который разрабатывался на протяжении нескольких столетий на огромном географическом пространстве. И наконец, этот труд предлагает всем, кто стремится глубже понять человеческий дух, одно из свидетельств бесконечного духовного поиска человечества.

Кеннет Л. Хонеркамп

Атенс, штат Джорджия

Кеннет Ли Хонеркамп, выпускник университета Аль-Карауин в Марокко и университета Экс-ан-Прованса, отредактировал и перевел несколько работ Абу Абдурахмана ас-Сулами (ум. 1021), а также книги «Расаиль аль-Кубра» Ибн Аббада из Ронды (ум. 1390). В настоящее время он занимает должность доцента на кафедре религии университета Джорджии в Атенсе.

* См. предисловие к Stations of the Righteous, The Stumblings of Those Aspiring by Abu Abd al-Rahman al-Sulami, K. Honerkamp, Part Two of Three Early Sufi Texts (Fons Vitae, 2003).

Биография автора

Хазрат[1] Азад Расул родился в городе Канкроли в индийском штате Удайпур в 1920 году. С детства он проявлял сильный интерес к духовным поискам. Его юный ум рано стали занимать эзотерические вопросы: «Существует ли какая-либо сила за пределами физической и ментальной сферы человеческого опыта? Есть ли Бог? Если Бог Един, почему религии различаются?» Наблюдая за молящимися людьми, он задавался вопросом: «Действительно ли на молитвы дается ответ? Или они просто оказывают психологическое воздействие?» Подобными вопросами Хазрат задавался с самого раннего возраста.

Детство Хазрата прошло в Канкроли – древнем священном городе индуистов. Крупный индуистский храм в этом городе привлекал паломников со всей Индии, что позволило молодому Азаду Расулу повстречать многих образованных и набожных людей. Переехав позднее в другой город, чтобы продолжать обучение, Хазрат возвращался в Канкроли на летние каникулы. В юные годы он часто обсуждал имевшиеся у него вопросы с духовными мастерами.

Хазрат поступил на начальный уровень в Институт Джамиа Миллия и там же продолжал обучение на старших курсах. Сочетая академическую работу с духовными наклонностями, он получил степень бакалавра по изучению исламской культуры и арабского языка. Затем он получил вторую степень бакалавра – на этот раз в сфере образования – в университете Аллахабада. Два профессора Джамиа Миллия сыграли важную роль в жизни Хазрата. Профессор М. Муджиб, преподаватель истории, был выпускником Оксфорда и автором многих книг, в том числе «Мусульман Индии». Описывая профессора Муджиба, Хазрат называет его «славным человеком», который хотя формально и не являлся последователем суфизма, обладал природой и личностными качествами суфия.

Снова и снова профессор Муджиб повторял Хазрату: «Все стремятся *взять* что-нибудь. Ты должен стать тем, кто может что-то *дать*». Эти слова произвели глубокое впечатление на юношу, впоследствии определив выбранную им профессию.

Вторым профессором, повлиявшим на Хазрата, был д-р Э. Дж. Каллат, добрый и образованный христианин. Помимо преподавания английского языка, д-р Каллат отвечал за спортивную программу колледжа и работал тренером хоккейной команды. Хазрат, который был капитаном своей команды, стал близким знакомым д-ра Каллата. «Он преподал нам важный урок, – вспоминает Хазрат. – Он сказал: “Станьте человеком. Сначала заслужите, а потом желайте”. Другими словами, вы должны обладать необходимыми качествами, прежде чем получить что-либо». Хотя он сам и не был мусульманином, д-р Каллат учил своих студентов «пытаться быть хорошими, возрожденными мусульманами». Он часто приглашал Хазрата к себе домой, где они читали и обсуждали отрывки из Библии, затрагивая вопросы христианского мистицизма, так же как и другие темы.

Уважение д-ра Каллата к разным вероисповеданиям углубило интерес его студента ко всем религиям. «Я мусульманин по рождению, – объяснял Хазрат, – однако я не всегда был доволен верой, которую унаследовал. Как только я стал достаточно компетентен, чтобы перестать ассоциировать себя с ней, я вступил на путь исследования с открытым умом и сердцем. Я освободился от уз традиционных авторитетов и распахнул свой ум для всех влияний».

Хазрат исследовал истинность многих религиозных систем. Он искал ответы на свои вопросы в священных текстах различных конфессий, вступал в дискуссии с богословами и атеистами, и познакомился с современными философскими и естественнонаучными методами. Он настолько увлекся Бхагавадгитой, что перечитывал ее снова и снова и, в конечном итоге, выучил некоторые ее части наизусть.

Хазрат также изучал духовные практики и экспериментировал с ними, пытаясь понять, стоит ли какая-либо неизменная реальность за явлением, которое мы называем «жизнью». Он исследовал йогу и Веданту, омывался в священной воде Ганги, вел жизнь «брахмачарьи» (человека, соблюдающего безбрачие и целенаправленно изучающего йогу) и занимался другими йогическими практиками. Он также погрузился в академическое изучение индуизма. Обучаясь на степень магистра философии в Мусульманском университете Алигарха, он специализировался, как на индуистских, так и на мусульманских философских системах.

Однако его сокровенное желание оставалось неудовлетворенным. Хазрат все еще не нашел тот путь, который искал.

После получения степени магистра Хазрату предложили заняться докторской диссертацией в Соединенных Штатах. Он отказался. Решив следовать наставлению профессора Муджиба – давать, а не брать – он стал работать на факультете университета Джамиа Миллия, хотя мог получить более высокооплачиваемую и престижную должность в любом другом учебном заведении. Многие из его сокурсников не упустили ни единой возможности повысить свой статус и благосостояние, Хазрат же остался в борющемся за существование, начинающем университете, полный решимости служить своим студентам, даже если будет предан осмеянию за свой «идеализм».

Преданность Хазрата Джамиа Миллия основывалась на вере в то, что не существует лучшей работы, чем обучение детей и формирование их характера. Цель школы состояла в подготовке юношей к тому, чтобы стать добропорядочными гражданами, патриотами Индии и настоящими мусульманами, а не инструментами «британской машины», которая доминировала в Индии до провозглашения независимости. Все преподаватели в Джамиа Миллия трудились над этой задачей с рвением миссионеров.

В то время университет Джамиа Миллия не получал государственных субсидий. Его доход полностью состоял из грантов, пожертвований, помощи общины и платы за обучение. Заработок преподавателя был минимален. Хазрат получал сорок рупий в месяц. Д-р Закир Хусейн, ректор Джамиа Миллия, впоследствии ставший президентом Индии, получал лишь восемьдесят рупий. Однако сам труд был вознаграждением для преподавателей. Они исполняли свою работу, как служение Богу – работали ради самой работы.

Служение детям было для Хазрата одним из тех поприщ, на котором его желание найти смысл жизни обрело свое выражение. Кроме того, он продолжал исследовать природу существования философскими и духовными методами. Поступив работать на факультет, он стал помощником профессора Муджиба, что дало ему возможность периодически встречаться с этим человеком для обсуждения рабочих вопросов. Часто они заканчивали дела за двадцать минут и затем в течение часа обсуждали суфизм в свете современной философии и естественных наук.

Однако, несмотря на годы непрестанных исканий и усилий, Хазрат чувствовал разочарование. В душе он полагал, что предпринятый им поиск тяжел, если вообще осуществим.

Хазрат уже почти отчаялся, когда от своего друга Р.Р. Вахиди он узнал, что суфийский мастер Хазрат Шейх Мухаммад Саид Хан (значок №4) направляется в их края. Шейх преподавал арабский язык в школе в Азамгархе (штат Уттар-Прадеш) и приехал на курсы переподготовки в Матхуру – город, расположенный рядом с Вриндаваном, недалеко от Дели.

Г-н Вахиди предложил Хазрату встретиться с Шейхом Саидом Ханом (значок №4) и Хазрат согласился. Оглядываясь назад спустя годы, он говорил: «Я подумал: хорошо, наверное, мне стоит пойти. Может быть, я смогу получить какое-нибудь наставление от этого человека».

Хазрат отправился в Матхуру, надеясь на благоприятную возможность. По прибытии в мечеть его направили в покои шейха. Подойдя к комнате, он увидел внутри (через открытую дверь) сидящего человека, просто одетого, с круглым головным убором. Человек заметил Хаз-

рата и пригласил его войти. Хазрат вручил ему рекомендательное письмо, которое шейх прочитал с одобрением.

Затем Хазрат рассказал шейху, зачем он пришел. Он объяснил, что ищет уже много лет и испробовал разные пути. В завершение он сказал: «Если в вашей науке есть что-то настоящее, пожалуйста, наставьте меня в ней. Однако если ваше учение – лишь разговоры в угоду людям, тогда я предпочел бы не терять ни свое, ни ваше время».

Услышав все это, шейх ответил: «Это путь опыта. Начни, и увидишь, что получится». И ни слова более.

Этот краткий ответ возымел немедленное действие. Хазрат рассказывал: «В тот момент я почувствовал отрешенность от мира и мое сердце наполнилось расположением к этому шейху. Я ощутил любовь в своем сердце». Хазрат тотчас же попросил Шейха Мухаммада Саида Хана (значок №4) принять его в ученики.

С той самой первой встречи Хазрат стал ждать возможности увидеться с учителем Шейха Мухаммада, Хазратом Хамидом Хасаном Алави (значок №4). В следующие зимние каникулы у него такая возможность представилась. Проведя время с Шейхом Алави (значок №4), Хазрат пришел к выводу, что Бог, наконец, ответил на его молитвы. Он был полностью убежден, что нашел верного человека и верный путь, которые удовлетворят его жажду и внутреннее стремление. Так началось путешествие Хазрата.

В суфизме Хазрат обрел удовлетворение, так долго от него ускользавшее. Он также обнаружил более глубокий смысл в религии, в которой был рожден. Несколько десятилетий спустя он заметил: «Сейчас я мусульманин не потому, что принадлежу к мусульманской семье, а потому, что открыл ислам посредством собственной устремленности, исследований и опыта».

Хазрат учился у Шейха Мухаммада Саида Хана (значок №4) в течение тридцати лет, сопровождая шейха в путешествиях и проводя с ним время в его доме в Азамгархе. Хазрат старался быть внимательным к наставлениям шейха, а тот с щедростью откликался на это.

В конечном итоге Хазрат получил разрешение наставлять искателей в сокровенных и глубоких учениях пяти орденов[2] суфизма: Накшбанди, Муджаддиди, Чишти, Кадири и Шазили. Наконец, пришел день, когда Шейх Мухаммад Саид Хан (значок №4) сказал ему: «Все, что я получил от своего шейха, я передал тебе. Теперь жди Божьего благословения, ибо успех зависит от Его милости и доброты. Он не приходит в результате совершаемых тобой усилий». Затем он процитировал Коран: «Аллах дарует Свою милость, кому пожелает»[3].

В свои первые годы на пути Хазрат, подобно многим новым ученикам, стремился посвящать все свое время медитации и молитве. Однако изучающих «тасаввуф»[4] не просят отрекаться от мира, скорее им следует «быть в мире, но не от мира». Обусловленность, склонности и модели поведения глубоко укоренены в нашей повседневной жизни и именно здесь, на этой территории, их следует преодолевать. И опять же, именно на этой территории можно служить Богу и Его творению. Когда Хазрат сообщил Мухаммаду Саиду Хану (значок №4) о желании оставить работу и полностью посвятить себя духовной практике, шейх запретил ему делать это. Мирской труд – непременное условие успеха на пути, объяснил он. Хазрат продолжил работать преподавателем и позднее возглавил Джамиа Миллия, уйдя на покой после тридцати шести лет работы в школе.

Пока его шейх был жив, Хазрат направил свои усилия на то, чтобы сделать суфийские учения более доступными. Долгое время его расстраивало то, что в Индию приезжали люди со всего света в поисках истины, но лишь немногие открывали для себя преимущества суфийского пути. Большинство склонялись к более известным школам веданты и йоги. Найти техники было легко. Гуру ездили по всему миру и открывали учебные центры. Признаки настоящего продвижения, однако, были более, чем редки, в особенности если иметь в виду такое

продвижение, которое отражает потребности людей, вынужденных жить и работать в современном обществе.

Будучи убежден, что суфизм может удовлетворить стремления современного искателя, Хазрат задумал создать школу, предлагающую инструктаж в русле пяти основных суфийских орденов. С согласия своего шейха и под его руководством он создал Институт поиска истины, расположенный в Нью-Дели, директором которого до сих пор является.

В последние несколько лет Хазрат открыл отделения Института в Великобритании, США, Германии, Франции, Польше, Турции и Австралии. Много лет назад, следуя принципу «жить, чтобы давать, а не брать», Хазрат отказался от возможности путешествовать. Сегодня тот же самый принцип принуждает его совершать поездки за рубеж для встреч с учениками со всего света. Он без устали помогает искателям в обретении духовного знания – так же, как его шейх помогал ему.

В этом кратком биографическом эссе раскрываются основные качества того, кто изучает суфизм и требования к нему. Жизнерадостность, вера, доверие и искренность Хазрата Азада Расула – верный ключ к внешнему и, что наиболее важно, внутреннему успеху. Его способность превращать любую трудность в возможность для роста и поклонения (*ибада*) – признак настоящего суфия.

С самых ранних лет Хазрат горячо желал открыть смысл и цель жизни. Он предпринял попытку найти учителя и как только нашел его, упорно следовал советам наставника, пока не достиг цели. Все это время он продолжал исполнять мирские обязанности – будучи мужем, отцом, дедом, школьным преподавателем, директором, лидером общины и уважаемым старейшиной. Уход на пенсию еще не означал уход от мира. Скорее, он стал посвящать еще больше времени своему духовному призванию и служению, что вылилось в строительство Института, сооружение мечети и *ханаки* (суфийского учебного центра), при этом он продолжал уделять время своим семейным обязанностям. Тем самым Хазрат Азад Расул демонстрирует на практике то, о чем на словах рассказывается в этой книге. Со школьных лет вплоть до настоящего времени его жизнь является воплощением бытия Суфия.

Эта книга предназначена как для тех, кто мало знает о суфизме, так и для уже знакомых с ним и желающих глубже понять его. Представленные здесь диалоги познакомят новичков с суфизмом и его преимуществами. Многие опытные искатели найдут в них инструменты, способствующие духовному продвижению. И те и другие откроют для себя сокровищницу прозрений и интуиций, озаренную светом того, кто успешно следовал пути «тасаввуфа».

В недавнем разговоре Хазрат отметил: «Сейчас я часто работаю и путешествую на Западе. Это трудная задача, но я полон надежд, поскольку Господь пообещал Хазрату Сейиду Абд аль-Бари Шаху (значок №4), шейху шейха моего учителя, что его орден распространится “от Востока до Запада и от суши до моря”. С этой надеждой я прикладываю все усилия, чтобы выполнить определенную работу на Западе. Инша’алла (если Бог пожелает), однажды эти усилия увенчаются успехом».

Я никогда не сомневался, что в чистоте Хазрата и его учения находится секрет умиротворенности, благополучия и знания об этом мире («дунья») и мире невидимого (*гайб*). В течение более двух десятилетий мне было позволено сопровождать этого праведного наставника. Каждый день, каждая встреча, как внутренняя, так и внешняя, подтверждают правильность практического, мусульманского пути суфизма. Многие из моих разговоров с Хазратом проникнуты радостным смехом или юношеским восторгом. Вся атмосфера (вокруг него) наполнена проницательностью, мудростью и чувствительностью, которые проистекают лишь от глубокой веры, бесчисленных часов медитации и глубокого почитания жизни.

Да поддержит Господь работу моего возлюбленного шейха, Хазрата Азада Расула и да дарует ему долгую жизнь, доброе здоровье и присутствие, объемлющее многих истинных искателей.

Ахмед Абд ар-Рашид
Александрия, штат Вирджиния

АХМЕД АБД АР-РАШИД (Дж. Э. Раш), основатель Circle Group и World Community, является представителем Хазрата Азада Расула в Соединенных Штатах. Будучи преподавателем, лектором и писателем, он работал с различными темами – от развития лидерских качеств и межкультурного диалога до миротворческой деятельности, ислама и современности, а также занимался практическим распространением духовности в рамках международных проектов и учебных курсов.

Вопросы и ответы

Вступительные замечания

Мистицизм – это проявление сути, лежащей в основе всех религий. Каждое вероисповедание имеет внутреннее духовное измерение. В исламе это измерение известно как суфизм или «тасаввуф».

Мистику даруется расширение сознания, которое высвобождает латентные силы и открывает видение, постигающее такие грани истины, которые недоступны интеллекту. Он или она получает доступ к прямому переживанию божественного присутствия – переживанию, часто не поддающемуся словесному выражению.

Мистическое сознание выходит за пределы эпох и культур. Однако популярность отдельных мистических традиций растет либо убывает в зависимости от потребностей данного времени и места. Если бы вы жили в Европе четыреста лет назад, то, возможно, не держали бы в руках книгу о суфизме. Восточный мистицизм не вызывал большого интереса в западных странах, находившихся под жестким контролем церкви. Однако эпоха Просвещения и противостояние научного материализма и христианства положили начало эпохе скептицизма. Традиционные догмы, казалось, перестали отвечать на вопросы и сомнения людей о них самих и их месте во вселенной.

К концу девятнадцатого века западные люди начали искать ответы на Востоке. Теософское общество, основанное в Нью-Йорке в 1875 г., познакомило широкую публику с восточным мистицизмом. В 1883 г. Свами Вивекананда представил веданту на Мировом конгрессе религий в Чикаго. В последующие годы интерес к веданте, йоге и буддизму неуклонно рос.

Но интерес многих людей к восточным учениям оставался поверхностным. И все же некоторые из них начали искать всесторонний, духовный подход к повседневной жизни. Одновременно с этим западные исследователи приступили к глубокому изучению мусульманской культуры. Суфизм привлек внимание искателей и ученых.

Одним из первых суфийских учителей на Западе был Хазрат Инайят Хан, который занимался распространением суфизма в Северной Америке и Европе еще в 1910 г. В последующие десятилетия суфийские учителя основали *текии* (учебные центры) в Соединенных Штатах, Великобритании и других странах за пределами мусульманского мира. Публикации, посвященные суфизму, также стали повсеместно доступны. Сегодня в крупных городах на Западе суфийскую литературу можно найти в ближайшем книжном магазине, а в телефонном справочнике – обнаружить контактные данные школ, которые обучают различным аспектам суфийской практики.

Разные «текии» и тексты представляют разнообразные потоки суфийского учения. И настоящая книга не исключение: описывая суфизм в целом, она отражает учение, переданное по линии Хазрата Сейида Абд аль-Бари Шаха (значок №4) (ум. 1900), индийского шейха ордена Накшбанди-Муджаддиди, который получил разрешение преподавать в орденах Чишти, Кадири и Шазили. Она отличается от некоторых более популярных версий суфизма в нескольких отношениях.

Во-первых, несмотря на то, что многие западные люди интуитивно чувствуют ценность созерцания для поиска более осмысленной жизни, они часто не решаются подвергнуться духовной дисциплине, предлагаемой аутентичным суфизмом. Поэтому в некоторых суфийских кругах *тасаввуф* рассматривается через фильтр какой-то поверхностной, почти оккультной системы. В отличие от такого подхода, в данной книге подчеркивается необходимость суще-

ственных усилий для получения плодов суфизма. Отсюда становится понятна важность структурированного выполнения практик под руководством уполномоченного наставника.

Вторая тенденция, адресуемая настоящей книгой – а она-то как раз и породила попытки отделить суфизм от ислама – выражается в стремлении к универсальным мистическим переживаниям. Любой подлинный эзотерический путь неотделим от формата откровения, положившего ему начало. Суфизм укоренен в кораническом откровении и «сунне» (образцах поведения и поучениях) Пророка Мухаммада (значок №1). Тем не менее, многие отрицают его исламское происхождение. Мусульмане, не знакомые с суфийскими практиками и предписаниями, отвергают их как чуждые исламу. Немусульмане, привлеченные эзотерическими учениями, но не склонные к религии, утверждают, что суфизму можно следовать отдельно от ислама. Если бы обе стороны яснее понимали ислам, им стала бы очевидна неотделимость суфийской розы от исламского куста. *Инша'алла* (с божьей помощью), пояснения, представленные в этой книге, помогут развить такое понимание.

В-третьих, учения Накшбанди-Муджаддиди, которыми я делюсь здесь, менее известны на Западе, чем учения некоторых других орденов. Они отличаются, например, от гностического течения суфизма, хорошо известного академическим ученым. Гностики утверждают, что переживание единства – это высшая ступень реализации. Данную концепцию сформулировали ученые-суфии двенадцатого и тринадцатого столетий, в том числе Абу Хамид аль-Газали (значок №4) (ум. 1111), который жил и преподавал в Персии, и известный шейх из Андалусии Ибн Араби (значок №4) (ум. 1240).[5] Мастера Накшбанди-Муджаддиди описывали цель суфизма иным образом, сосредоточившись на понятиях *фана'* и *бака*[6]. Они разработали уникальный подход к духовному совершенствованию, который емко передан фразой: «*индирадж ан-нихая фи'ль-бидая*»: «там, где другие завершают, мы начинаем». Эти и другие особенности учения Накшбанди-Муджаддиди описываются в настоящем тексте.

Представленные здесь диалоги взяты из разговоров со студентами Института поиска истины в Нью-Дели и его филиалах в Европе и Соединенных Штатах, где предлагается обучение в русле традиции орденов Муджаддиди, Накшбанди, Кадири, Чишти и Шазили. Преподавая в этих центрах, я обнаружил, что люди, интересующиеся суфизмом, снова и снова задают некоторые вопросы, которые и стали основной настоящей книги. Я собрал здесь те из них, которые дают возможность представить общие понятия суфизма, объяснить техники, характерные для ордена Накшбанди-Муджаддиди, и рассмотреть актуальность суфизма для современной западной аудитории. Я надеюсь, что этот текст станет полезным и информативным руководством для искренних искателей истины.

Сегодняшний быстро меняющийся мир, ориентированный на материальные ценности, бросает нам вызов, принять который мы можем, если уравновесим потребности повседневной жизни с исполнением наших внутренних устремлений. Для поиска знания существуют самые разные возможности. Одну из них представляет суфийское учение, передаваемое по цепочке уполномоченных учителей, которое, как показывает мой собственный опыт, предлагает способ жить в этом мире в контексте полноценной духовной философии. Линия мастеров Накшбанди-Муджаддиди, в частности, учла необходимость в практических техниках, которые могут применяться одновременно с исполнением рабочих, семейных и социальных обязанностей. Их учение может принести пользу современным читателям, различающимся по своим способностям и характеру, как оно направляло к преображению духовных искателей на протяжении многих поколений в прошлом.

Суфийское учение сохранилось лишь благодаря благословению почитаемых шейхов прошлого. Я молюсь о том, чтобы с благословения этих великих мастеров мои скромные усилия выразить Божественную Истину ясными словами были угодны Господу и приняты Им с благоволением.

Азад Расул
Джамиа Нагар, Нью-Дели, Индия

Часть 1. Общие темы

Вопрос 1. Суфизм

Что такое суфизм?

Тяга к мистицизму – стремление пережить измерение, которое находится за пределами материального мира, обрести знание и возвратиться к духовной Сущности или Истине – присуща каждому человеку, независимо от его или ее вероисповедания. Люди наделены этой склонностью по-разному. Некоторые щедро одарены ею; другие – лишь в малой степени. Некоторым выпадает возможность развить и привнести ее в повседневную жизнь, тогда как другие лишены этого. Тем не менее, эта склонность присутствует в каждом человеческом существе.

Если определять суфизм как мистицизм или путь мистика, тогда его послание адресовано всем людям, а не только последователям одной религии. В каждой вере есть свой суфизм. В каждом народе и общине существуют суфии, несмотря на различия в именах и техниках.

Человеческое существо имеет не только плоть, но и еще одну грань, которая известна как «я» или «эго» (обозначаемое суфийским термином *нафс*). Мистический опыт приводит в действие «я». Подобно электрическому току, он пронизывает человека, выводя на первый план неиспользованный потенциал. Вместе с активизацией «я» к человеку приходит некоторая степень сознательности и интуитивного понимания. Человек начинает чувствовать, что его «я» отражает другое «я» – «Я» Верховной сущности. Он или она осознает, что Бог действует в творении и посредством него.

Многие люди достигают такой степени сознательности в какой-то момент своей жизни. Какая-то встреча, какое-то событие или реализация чего-то открывают для них реальность большую, чем они сами. Большинство удовлетворяются этим уровнем пробуждения. Однако другие желают чего-то большего: вступить в контакт с Богом, увидеть Божество, пережить Истину. Быть лишь частью недостаточно: они жаждут раствориться в Целом, в Вечном. Они хотят, чтобы их вера проявлялась спонтанно и постоянно, как вода, бьющая из источника. Они жаждут познать через самих себя, что Бог «так же близок, как яремная вена»[7].

Как это стремление может быть реализовано? Бог – Высшее Существо, в сравнении с которым люди грубы. Их органы чувств могут слышать, осязать, видеть, ощущать вкус и запах материальных вещей, однако Высшее Существо не может быть распознано таким способом. Как может атом выйти на прямой контакт с солнцем? Как часть может стать целым? С начала времен человеческие существа пытались разрешить эту дилемму.

Согласно суфийскому учению, путь к переживанию божественного присутствия начинается внутри. Говорят, тот, кто познает себя – познает Господа. Бог присутствует, однако люди не видят Всевышнего, поскольку покров неведения закрыл им глаза, а ржавчина сковала сердце. Среднестатистический человек эгоцентричен. Лишь после того, как он или она отшлифует свое сердце и очистит «я», покров поднимется, ржавчина спадет, и его глаза смогут узреть Бога.

Благодаря многолетним усилиям суфийские мастера разработали научный подход к достижению такого совершенства. Они открыли, что помимо ума, человеческие существа имеют другие центры сознания, которые служат внутренними механизмами постижения. Наиболее важный из этих центров – сердце. При помощи усердной практики суфийские учителя

совершенствовали техники, которые активизируют сердце и взращивают глубокую интуицию и осознание.

Отшлифованное сердце становится зеркалом, которое улавливает свет истины и отражает его в сознании человека. Вместе с этим светом зарождается понимание, что помимо материальных явлений есть Сущность, чьим отражением является все во вселенной. Наше собственное бытие отражает Высшее Существо.

Открытие и реализация Божественного потенциала в конечном итоге приводит к незыблемой вере и уверенности в отношении истины. Затем человек полностью отдается на волю Всевышнего, подобно тому, как капля дождя покоряется океану. Человеческая воля начинает совпадать с Волей Бога; все человеческие действия совершаются лишь во имя Бога.

За счет бескорыстного послушания искатель начинает сознавать Присутствие божественного в каждом событии и обстоятельстве. Осознанность Бога наполняет собой его или ее сознание ежесекундно. Он или она становится искренним служителем Всевышнего. Фактически суфизм не что иное, как внутренняя и внешняя искренность.

Суфизм не посвящен исключительно индивидуальному очищению. Стремясь избавиться от эгоизма, *салик* (идущий по духовному пути) также использует свои интуитивные озарения для улучшения социального и культурного состояния общины, народа и человечества в целом. Эта преданность служению делает суфизм динамической, преобразующей силой на всех уровнях, от личного до глобального.

В прошлом люди, укорененные в рациональной интеллектуальной традиции, отвергали суфизм, полагая, что он сосредоточен на умозрительных поисках, подогреваемых скорее воображением его последователей, нежели реальным знанием. Сегодня исследователи человеческого сознания, квантовой физики, биологии, химии и психологии приходят к выводам, которые аналогичны основным принципам суфизма. Например, многие современные ученые учитывают фундаментальную взаимосвязь всех явлений. Независимо от того, пользуются ли они термином «Бог» или нет, в их прозрениях отдается эхом издавна известная мистикам осознанность Божественного Единства. Оттталкиваясь от точек, где найдено взаимопонимание, мастера и последователи суфизма вовлекают ученых в диалог, цель которого навести мосты через разделяющую их пропасть с тем, чтобы помочь другим людям узнать преимущества духовного взгляда на жизнь.

Подобно многим другим дисциплинам, суфизм испытал на себе влияние людей, которым недоставало надлежащего обучения. В результате появились искаженные версии. Поэтому при объяснении того, что *есть* суфизм, следует уделить внимание тому, чем он *не является*. Власть или сила интеллекта не являются первоочередной задачей суфизма. Он не опирается на набор культурных техник и заботу о человеческом эго, выражающуюся в стремлении человека повысить личную эффективность, обрести целительские способности, психические силы и тому подобное. Он не предназначен для того, чтобы обеспечивать благосостояние учителей и глав организаций, не служит он и для намеренной мистификации учеников. Жители Запада – рьяно синтезирующие то одно, то другое – могут раскрыть свои объятия суфизму, как учению, объединяющему все религии и вероисповедания. Но и это представление о том, на чем сосредоточен Суфизм, не является верным. Несомненно, развитие духовного потенциала человеческих существ может ослабить нетерпимость, фанатизм, предубеждения и конфликты. Однако, это всего лишь побочные результаты суфийского пути, а не его цель.

Хотя вторичных и обедненных версий суфизма существует великое множество, его суть, по милости Всевышнего, остается ими незатронутой. Она по-прежнему сохраняет актуальность, предлагая принципы, которые мы можем использовать как основание для наших намерений и действий даже в век постмодернизма. Суфийский путь помогает уравновесить внешнюю жизнь и внутренние практики – баланс, который приобретает все большее значение в условиях ускоряющегося ритма жизни.

Прочие формы обучения посвящены уму или телу, совершенствованию навыков, профессиональной квалификации или характера. Суфизм обучает сердце. Развивая бесконечную способность проникать сердцем вглубь вселенной сознания, искатели приобретают озарения, которые направляют их в жизни и служат средством познания себя и Бога. Лишь пробужденное сердце может достичь Божественного сознания, недоступного уму. Следующие по суфийскому пути открывают тайны пробуждения сердца. Они постигают и проживают знание, открытое Пророку Мухаммаду (значок №1) Богом, Который сказал: «Земля и небеса не вмещают Меня, но сердце преданно верующего содержит Меня».

Вопрос 2. Сравнение мистических путей

Что отличает суфизм от других интегральных и мистических путей, таких как буддизм и йога?

Хотя я изучал йогу много лет назад, главным исследованием и трудом моей жизни стал суфизм, поэтому я с полным основанием могу говорить лишь о его учении. В мою задачу не входит подробно сравнивать мистические техники. Все, чего я хочу, это просто помочь искателям истины найти свою стезю на том пути, по которому прошел я сам.

В той степени, в которой Буддизм, йога и другие духовные дисциплины сеют любовь к человечеству, увеличивают чувство личной ответственности, способствуют уважению к другим людям и стремлению к знанию, они на самом простом и, тем не менее, значимом уровне содержат общий знаменатель всех духовных путей. Однако все эти пути отличаются друг от друга и от суфизма, как своими методами, так и с точки зрения пригодности для конкретных людей.

Большинство путей ассоциируется с духовным и культурным наследием определенной религии. Во многих случаях это наследие накладывает ограничения на потенциальных практиков. Например, человек, изучающий йогу, рожденный вне индуизма, не может быть полностью интегрирован в йогическую систему, поскольку он или она лишен касты и «паратпарам» (родословной). Мистические практики иудаизма имеют долгую и выдающуюся историю. Однако, в соответствии с еврейской традицией, они предназначены для тех, кто является иудеем по рождению. Буддизм выступает за монашество – специфический стиль жизни, который подходит лишь некоторым людям, но непригоден для других.

С Божьего благословения суфизм сохранил жизнеспособность по сегодняшний день. Суфизм приветствует людей различной религиозной, культурной и этнической принадлежности, и подобно исламу, являющемуся его носителем, призывает защищать верования и практики других исповеданий. Более того, суфизм выступает за такой образ жизни, который соответсвует естественным склонностям человеческих существ.

Подход к личному совершенствованию в суфизме также отличается от других путей. Многие методы на первоначальном этапе подчеркивают необходимость очищения «я». Например, практик йоги использует ум (то есть, сознательную часть «я»), чтобы стать внимательным. Он или она могут долгое время бороться с ментальными процессами и обусловленностью, прежде чем смогут воспринять мистическое озарение.

В отличие от этого, *тарика* (дорога или путь) Накшбанди-Муджаддиди подчеркивает важность очищения сердца. Используя присущую сердцу способность сохранять внимание, искатели быстрее обретают состояние восприимчивости. Даже новички могут научиться обращаться к сердцу и направлять его внимание к Богу посредством *нийя* (намерения). При помощи этой практики, известной как *муракаба* (медитация[8]), ученик расслабляется и становится восприимчивым к передаче. Лишь после преображения сердца шейх дает наставления ученику в том, как направлять внимание на «я» и работу ума.

На некоторых мистических путях культивируются сверхъественные силы, развитие которых может раздуть эго. Путь Накшбанди-Муджаддиди – полная противоположность этому. Сам акт *муракабы* способствует смирению и терпению, с помощью которых происходит очищение (*тазкийя*). Ученик ожидает в медитации, так же как любовник ждет возлюбленную. Иногда приходится ждать годами, однако это ожидание исполнено надежды.

Вопрос 3. Выбор пути

Как узнать, является ли суфизм наилучшим путем для меня?

Учителя в любой сфере высоко оценивают собственную систему. Поэтому на их рекомендации стоит полагаться меньше, чем на личные исследования и интуитивное понимание. В конечном итоге только вы сами сможете найти верный путь для себя, оценив, насколько тот или иной метод подходит для ваших потребностей и возможностей совершенствования в контексте вашей жизни.

При выборе пути важно учесть несколько вещей. Поскольку наше общество быстро меняется, эффективный метод должен быть способен к адаптации. Он должен поощрять самодисциплину в целях достижения прогресса. Этот метод должен также вести искателя за пределы психологических и спиритуалистических устремлений, за рамки поклонения или приверженности культу. Он должен помогать людям в том, чтобы они могли эффективно существовать в современном мире и должен способствовать осознанию нашей взаимосвязанности и долга перед всеми живыми существами.

На основании моего собственного опыта я могу сказать, что трансформационный суфизм, практикуемый Накшбанди-Муджаддиди, удовлетворяет этим критериям. Поиск истины до известной степени схож в разных своих проявлениях, однако методы данного ордена сосредоточены на вышеописанных характеристиках, а потому подходят для сегодняшних искателей.

Выбирая духовную стезю, новички естественным образом склоняются к практикам, связанным с религией, в которой они были воспитаны. Многие не-мусульмане на Западе рассматривают ислам как нечто чуждое. Когда они слышат, что суфизм – это мистическое измерение ислама, они могут предположить, что его техники полезны лишь для людей мусульманского происхождения. На самом же деле, суфизм доступен для людей любой религиозной принадлежности. Независимо от того, является ли человек христианином, иудеем, индуистом, буддистом или принадлежит от рождения к любой другой вере, суфийские практики могут помочь ему или ей открыть новые глубины умиротворения и реализации.

Вопрос 4. Популярность суфизма на Западе

В последние годы суфизм привлекает все большее внимание на Западе. Чем вы объясняете такой рост популярности?

Всевозможные мистические учения вызывают большой интерес на Западе по нескольким причинам. Во-первых, западные общества, по-видимому, оставлячют позади эру рационализма, детерминизма и материализма. Там, где когда-то интеллект нераздельно царствовал, сегодня общепризнанным является тот факт, что окончательное объяснение реальности невозможно получить исключительно силой разума. Все больше и больше людей считают ценным прямое, личное переживание реальности, доступное в мистицизме.

Популярность суфизма также отражает некоторые распространенные озабоченности и позиции. Люди обращаются к мистицизму, чтобы избавиться от всвозможных ментальных и эмоциональных напряжений, от сомнений по поводу смысла жизни, от страха смерти, от неуверенности в будущем и упадка социальных ценностей. Некоторые занимаются поисками паранормальных явлений. Других же влечет импульс, мотивирующий мистиков всех времен: тяга к более глубокой и личной связи с Божеством.

Суфизм отвечает на все эти разнообразные чаяния при помощи прагматического подхода, который позволяет уравновесить внутреннее и внешнее развитие. Он никого не лишает возможности достичь высших ступеней реализации. Он не только позволяет, но и поддерживает исполнение мирских обязанностей, как одного из условий развития ученика. Хотя суфийские практики требуют определенного вложения – времени и усилий – это требование отнюдь не налагает на человека непосильного бремени, поскольку практики не слишком длительны, а усилия не черезмерны. Учения Суфизма подлинны, способствуют развитию и основаны на великой мудрости. Они пронизаны любовью и действенно служат человеку.

Суфийское обучение наделяло, как очевидными, так и неявными, тонкими преимуществами бесчисленное колличество людей на протяжении сотен лет. Те, кого жизнь сводит с пракиткующими суфизм, часто и сами начинают тянуться к суфийскому пути, так как улавливают в его последователях нечто привлекательное, желанное и необходимое им самим. Хотя они, возможно, вполне и не осознают силу своей потребности, тем не менее, этот путь притягивает их, словно магнит.

Суфизм в своей неоспоримой связи с Источником доказал, что в нем содержится корпус полезного знания и практик, путь к вере, соединенной с личным опытом. Этот путь предлагает искателям прямое восприятие реальности, заполняя вакуум в тех культурах, где обрушился живой мост, соединяющий их с Бесконечным. Я полагаю, что это его самая привлекательная сторона, и пока человеческие существа на Востоке и Западе будут продолжать поиски Божественного, суфийские учения, как я думаю, будут распространяться.

Вопрос 5. Западная обусловленность

Чем отличаются восточные и западные ученики?

Независимо от того, является ли искатель восточным, или западным человеком, а то и тем и другим, культурную принадлежность невозможно изменить, поэтому мало смысла в вопросе, имеет ли это какое-либо значение. Человек, который приступаект к практике, должен сосредоточиться на его или ее собственном выполнении практик и совершенствовании, вместо того, чтобы сравнивать себя с другими учениками.

Пригоден ли тот или иной человек для суфийских занятий, или нет – ни в коей мере не определяется его культурной принадлежностью. Хороший западный ученик ничем не отличается от хорошего восточного ученика. Суфизм транскультурен. Его методы могут быть приспособлены для тех людей, к которым они адресованы. Так, шейхи ордена Накшбанди-Муджаддиди работают с помощью передачи, которая устанавливает личную связь между сердцами учителя и ученика. Независимо от того, происходит тот или иной человек с востока, запада, севера или юга, невзирая на его расу и личную историю, суфизм способен помочь ему или ей в духовном развитии.

Различия между западным и восточным умом действительно существуют из-за разницы в культурных ценностях. Они то и определяют восприятие и реакции учеников, служат указателями для выбора наилучшего метода их обучения и с их помощью можно объяснить, почему тот или иной человек ведет себя так, а не иначе. Суфийская система трансформации всегда чутко реагировала на такие факторы, как время, место и обстоятельства. Поэтому культурные особенности влияют на то, как обучает наставник и, как ведется работа ордена.

Как бы то ни было, все люди, в сущности, обладают схожими потребностями, надеждами, способностями, так же как эмоциональными и интеллектуальными реакциями. Искренний студент становится безразличным к культурным и поведенческим различиям. В этом красота ислама. Содержащееся в нем послание о том, что все человечество есть одна община (*умма*), – это призыв преодолеть предрассудки, страх и предубеждения. Посредством практики, веры и покорности Богу мусульманин и суфий преодолевает разрушительные и интегрирует созидательные аспекты различий между людьми. Он или она ценят уникальность, индивидуальность и свободу, порожденные различиями, но при этом не теряют из вида основнополагающую истину единства (*таухид*), дарованную нам Богом и преподанную Пророком Мухаммадом (значок №1).

Я опасаюсь, что обусловленность западного ученика может воспрепятствовать ему в получении тех преимуществ, которыми обладает суфизм. Действительно ли человек, взращенный западной культурой, может достичь тех целей, которые вы описываете?

Конечно, может. Почему нет? Качества, необходимые для понимания суфийского пути к Всевышнему, – это искренность, страстное желание, терпение, последовательность, а также преданность и любовь к своему учителю. Восточные люди не имеют монополии на эти качества.

Если вы спрашиваете потому, что вас беспокоит ваша личная обусловленность, позвольте мне, прежде всего, сказать, что обусловленность неизбежна. Реакции людей обусловлены повсюду.

Во-вторых, обусловленность любого рода – психологическая, поведенческя или культурная – относительна. Обусловленность – это заученное ограничение или точка зрения, которые мешают людям видеть мир таким, каков он есть на самом деле, а также видеть самих себя такими, какими они являются в действительности. Любое подобное ограничение пагубно для роста и враждебно основополагающей свободе внутреннего существа человека, а потому его следует преодолеть.

Таким образом, вам необхлдимо в любом случае бороться с собственной обусловленностью, независимо от того, заинтересованы вы в суфизме или нет! Суфизм поддерживает эту борьбу с помощью техник, которые разрушают обусловленные взгляды и воздвигают на их месте истинное видение человеческих существ и вселенной. Зачастую даже новички на пути обнаруживают, что, выполняя предварительные практики, они получают ясное доказательство контакта с «чем-то реальным». Это объясняется *баракой* (благословением) и милостью, которые проистекают из самого Источника откровения. *Барака* помогает человеку осознать, что совершенство действительно возможно. Это одно из наиболее замечательных проявлений суфизма.

Вопрос 6. Личная трансформация

Вы называете суфизм «трансформационным». Не могли бы вы подробнее рассказать о совершаемых им изменениях и как эти изменения происходят?

Индийский мастер Хваджа Муинуддин Чишти (значок №4) (ум. 1236) сказал: «Суфизм не является ни знанием, ни формой, но особой этической дисциплиной». Дициплина – это способ жизни, а не кабинетное исследование. Суфизм состоит отнюдь не в исключительном посещении лекций, чтении книг, слушании духовной музыки, исполнении священных танцев или в каком-либо сочетании вышеперечисленного. Это динамическая и практическая система, она требует интенсивного личного усилия, поскольку ее задача – не что иное, как полная трансформация характера, поведения, установок и понятий человека.

Ученик подобен семени, посеянному в землю. Солнце, вода и надлежащий уход позволяют ему стать зрелым растением. Так же и взаимодействие между шейхом и учеником в сочетании с *баракат* (благословениями) от Бога и старейшин приводят к изменению в самом существе ученика. Сначала, как в случае с семенем, изменения происходят медленно, почти неуловимо. Постепенно внутри студента что-то начинает расти. Его или ее первоначальное существо претерпевает метоморфозу, пока, однажы, по милости Божьей ученик не становится абсолютно другим существом. Орден Накшбанди-Муджаддиди использует термин *фана'* (уничтожение) и *бака'* (пребывание) для описания этого процесса.

Данные практики не только трансформационные, но и опытные, поскольку они позволяют ученику открыть для себя более тонкие грани тех принципов, на которых зиждется суфийский путь. Участие в занятиях такого рода похоже на проведение лабораторного эксперимента. Вас могли учить, что молекула воды содержит один атом кислорода и два атома водорода, но если вы синтезируете воду сами, ваше знание химии будет основываться на прямом опыте. Подобным же образом, суфийский ученик может получить личное свидетельство того, что происходит на пути. Искатель не блуждает во мраке. Хотя многие люди считают суфизм загадочным и скрытым, он не является ни тем, ни другим. Это ясная и точная дисциплина с многочисленными объективными подтверждениями.

Согласно большинству научных теорий, эволюция высшего примата достигла своей кульминационной точки в человеческом существе. Они не говорят нам, что происходит далее, в рамках человечества и за его пределами. За несколько столетий до Дарвина суфийский поэт Руми (значок №4) (ум. 1273)[9] сказал: «Сначала вы были глиной. Из минерала вы превратились в растение. Из растения вы стали животным и из животного – человеком. Проходя через эти стадии, вы не знали, куда направляетесь, но, как бы то ни было, вас взяли в это длиннейшее путешествие. Вам предстоит пройти еще сотню различных миров».

Руми (значок №4) и другие мастера говорят нам, что человеческих существ ожидает дальнейшее развитие. Это развитие зависит не от избирательной адаптации посредством передачи наследственных признаков при размножении, как в теории Дарвина, а от сознательности: то есть, от особого типа обучения, которое человеческие существа могут приобрести в результате свободного выбора[10]. Хотя, совершенно очевидно, что эволюция физического тела достигает кульминации в homo sapiens («человеке разумном»), это не конец истории. Дополнительное преобразование должно осуществиться на духовном уровне. Необходимо бороться и прилагать

усилия, чтобы развиться в цельную, совершенную личность (*аль-инсан аль-камиль*), конечную цель человека.

Вопрос 7. Гуманизм и гуманитарная деятельность

Можно ли считать суфизм гуманистической философией? Участвуют ли суфийские ученики в гуманитарной деятельности?

Гуманизму, несомненно, свойственны благородные идеалы, более высокого порядка, чем те, которые исповедуют многие идеалогии. Исторически сложилось, что гуманистические настроения способствовали совершенствованию всех сфер жизни, от политической и социальной, до религиозной. «Права человека» Томаса Пейна и призыв французских революционеров к «свободе, равенству, братству» – лишь два примера этого.

Суфизм расходится с секулярными предпосылками гуманистов, однако он разделяет их цели. Те, кто путешествует по суфийскому пути, делают любовь к Богу целью своей жизни. Говорят, что путь, на котором обретается любовь к Господу, проходит через долину служения. Многие суфийские мастера (в том числе некоторые из великих шейхов чишти в Индии, жившие столетия назад) использовали служение, как средство обретения любви Всевышнего. Бог вознаграждает усилия, направленные на благо других людей и благословляет тех кто их совершает духовным развитием – трансформацией, которую и гуманист, и мистик относят к совершенствованию нашего человеческого рода.

Однако акты человеколюбия следует рассматривать, как средство достижения определенной цели, а не как самоцель. Рассматривать их иначе – заблуждение. Мне приходят на ум две цитаты, в которых подчеркивается связь между служением Богу и служением человеку. Известный индийский поэт как-то сказал: «Так много рабов Бога блуждают аскетами в лесу. Я не вижу ценности в их пути; я предпочитаю быть порабощенным тем, кто любит своих собратьев». А один выдающийся индийский политик заметил: «Бога я могу отрицать, человека – нет».

Гуманизм – это благородный идеал. Однако когда стремление к утверждению достоинства человеческого существа подменяет собой стремление к транцендентной реальности и поклонение ей, мы движемся в неверном и, возможно, опасном направлении. Нашей первостепенной задачей должно быть стремление к Божественной реальности.

Кто-то может назвать эгоистичным сосредоточение на внутреннем, личном совершенствовании. Но противоположный довод также может быть верен: если человек не достиг бескорыстия, акты служения своим ближним могут вылиться в обслуживание своего собственного эго или личных интересов, вытесняя заботу о нуждах других людей.

Внешняя жизнь индивидуумов всегда отражает их внутреннее состояние. Несправедливость и неравенство, с которыми борются гуманисты, берут начало в качествах несовершенного «я»: жадности, зависти, ненависти, себялюбии. Улучшая людей изнутри, суфизм влияет на их действия. Оказывая влияние на человеческие действия, суфизм пронизывает все общество в целом и действует ему на благо.

Вопрос 8. Глобальные вопросы

Занимается ли суфизм решением глобальных вопросов, таких как ухудшение окружающей среды, бедность и конфликты?

Суфийский путь актуален для современного общества и, одновременно, направлен на решение задач, которые определяют путь человечества в будущем. Вопросы, связанные с ценностями общины, культурным разнообразием, сохранением окружающей среды, экономическим равенством и разрешением конфликтов, рассматриваются в учении ислама. Ранее различные суфийские мастера пытались заниматься этими вопросами. Сегодня те, кто практикует суфизм, применяют знание *тасаввуфа* в самых различных сферах, скажем таких, как устойчивое развитие, образование, терапия, воспитание, наука и технологии и межкультурная коммуникация.

Однако, величайшее суфийское средство разрешения глобальных проблем не связано с его традицией социального активизма. Как я уже говорил, изучающие суфизм видят в служении средство, а не конечную цель. Внешняя работа сама по себе не сможет разрешить проблемы, от которых страдает человечество, поскольку корни этих проблем лежат в человеческом сердце. Попытки справиться с проблемами на уровне проблем могут привести к успеху, но более вероятно, что этого не произойдет. Мы должны смотреть дальше внешних проявлений – в сердца человеческих существ, где бы они ни жили, – и, более конкретно, в наши собственные сердца. Человек, сердце которого благородно, а чувства достигли утонченности и просветленности, не становится обузой для мира. Такой человек не будет создавать проблему, но будет способствовать ее решению. Когда другие люди предпримут сознательные усилия для просветления собственных сердец, они станут частью ответа на нужды мира. Если бы различные конференции, комитеты и советы состояли из суфиев, мир не был бы в том состоянии, в котором он находится!

Целеустремленная практика суфизма делает человеческое существо более цельным и преображает его. Такой человек может лишь принести пользу своей общине и обществу в целом. К сожалению, подобных людей крайне не хватает – очень мало, тех, кто, исполняя свои внешние обязанности, сохраняют внутреннюю чуткость и совершенство. Наше общество нуждается в людях, которые действуют по велению сердца, совершенного и любящего.

Никто не способен изменить мир в одиночку. Каждый может изменить себя и, сделав это, повлиять на других таким образом, чтобы они сделали то же самое. Суфизм не является и никогда не был массовым движением. Он работает на индивидульном уровне. Он пытается зажечь свечи в темноте. Таким образом, суфизм приносит обществу особенный урожай. Сегодня, как никогда, общество нуждается в плодах этого урожая.

Вопрос 9. Стресс, тоска и депрессия

Как суфийские методы могут повлиять на такие состояния, как стресс, тоска, депрессия и неврозы?

Всегда есть соблазн предположить, что одна единственная система может избавить от всех проблем. Опыт говорит об обратном. В целом кандидат на обучение в ордене Накшбанди-Муджаддиди должен быть уравновешен как психологически, так и эмоционально. Иначе он или она может столкнуться с трудностями на пути.

Несомненно, время, посвящаемое практике, способствует устранению того, что вы называете стрессом. *Муракаба* (медитация) поправляет здоровье тела и укрепляет нервную систему. Суфийская тренировка особенно полезна людям, страдающим от тоски, которая часто является следствием отсутствия цели и смысла жизни. Что касается депрессии, то во многих случаях это состояние позитивно реагирует на действие какого-либо вызова. Наибольший вызов, с которым может столкнуться человек, – это преображение самого себя.

На начальном этапе ученики часто отмечают, что в результате практики ум достигает умиротворенности, иногда довольно быстро. Суфийские учителя не считают это самоцелью, однако данное изменение может быть положительным побочным результатом духовной работы.

Вопрос 10. Психотерапия

Многие люди сегодня озабочены психологическим здоровьем. Как суфии относятся к психологии? Можно ли суфизм рассматривать как религиозную форму психотерапии?

Чтобы ответить на ваш вопрос необходимо обратиться к определенному историческому контексту. Древние и до-индустриальные культуры ценили необычные состояния сознания, считая их средством познания скрытых сторон существования. Визионерские состояния традиционно рассматривались как важные источники знания не только мистиками ислама, но и мистиками христианства, индуизма, различных аборигенных народов и прочих сообществ. Научная и промышленная революции изменили этот взгляд. На смену духовности и вере, как мере всех вещей, пришло рациональное мышление и интеллект. Для многих людей мистический опыт перестал быть законным путем к пониманию.

В конце девятнадцатого века появилась психиатрия. Необычные состояния сознания стали рассматриваться, как «заболевания». Некоторые ранние психиатры не видели различий между психозом и мистицизмом: и то и другое было отнесенно к разряду аномалий, требующих медикаментозного лечения.

Более поздние психиатры, особенно К. Г. Юнг, начали переоценивать связь между психологическим и духовным здоровьем. Некоторые состояния, которые психиатрия окрестила «ментальными аберрациями», были признаны естественными процессами самоисцеления духа и тела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.